

08 00 00 ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ
08 00 00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
08 00 00 ECONOMIC SCIENCES

---

08 00 01 ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
08 00 01 ECONOMIC THEORY

УДК 338.2
ББК 65.01

**МОТИВ. МОТИВАЦИЯ.
МОТИВАЦИЯ К РАЗВИТИЮ. НОВОЕ
ВИДЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ.**

*Ващенко Александр Николаевич,
д-р экон. наук, профессор, главный
редактор журнала «Бизнес. Образование.
Право», г. Волгоград*

**MOTIVE. MOTIVATION. THE
MOTIVATION FOR DEVELOPMENT.
NEW VISION AND PERCEPTION**

*Vashchenko Alexander Nikolayevitch,
Dr. of Economics, Professor, editor-in-chief
of the journal «Business. Education. Law»,
Russia, Volgograd
E-MAIL: meon_nauka@mail.ru*

Ключевые слова: мотив, мотивация к развитию, природный феномен, Иммануил Кант, Артур Шопенгауэр, немецкая классическая философия, закон мотивации, потребность в реализации возможностей

Теория мотивации рассматривает понятия «мотив», «мотивация» с точки зрения деятельности, общества, государства. Рассматриваются взаимоотношения и взаимосвязь мотива и мотивации. Эта проблема всегда интересовала ученых, так как она определяет осознание личностью, обществом, государством своих потребностей, целей, поступков, действий. То есть возникает идея рассматривать эти понятия с точки зрения «мотивации к развитию», так как мотив (желание), то есть причина мотивации, является побудителем изменения состояния чего-то. Если, конечно, принять как условие, что изменение всегда есть развитие. В этом случае можно рассматривать мотив (желание) как условие, а мотивацию как потребность развития. Причем если это рассматривать с точки зрения личности, человеческого общества и государства, то большинство теорий, изучающих возможность оказывать влияние на поступки, действия, деятельность и т.д. личности, общества, государства, как раз и подтверждают, что мотив (желание) - условие развития, а мотивация - потребность в развитии, изменении. Это может рассматриваться как природный феномен существования Вселенной и человека как ее части.

Данная работа синтезирует теоретические истоки феномена мотивации, обращаясь главным образом к сочинениям Иммануила Канта. Не только потому, что в его трудах уживаются рационализм и эмпиризм Нового времени и его сочинения являются

предпосылкой возникновения, базисом для всей философской мысли девятнадцатого и двадцатого столетия. Самым главным для нас было то, что, по мнению Канта, человеческий разум является источником общих законов природы, которым подчиняется весь опыт и переживания человека. Таким образом, мы находим основание для дальнейшего изучения мотивации не с общепринятой точки зрения — как заинтересованности, желания или потребности — а настаиваем на её универсальном характере, видя в ней основной фактор развития человека, общества, мироздания в целом.

Key words: *motive, motivation for progress, natural phenomenon, Immanuel Kant, Arthur Schopenhauer, German classical philosophy, German nineteenth century philosophy, German eighteenth century philosophy, Nature's laws, motivation law, need in realization of faculties*

The theory of motivation considers the concepts of "motive", "motivation" in terms of activity, society and state. We consider mutual relationships and mutual connection between motive and motivation. This issue always interested scientists since it determines the awareness of individuals, society and state of their needs, goals, actions, deeds i.e., there arises an idea to consider these concepts in terms of the "motivation for development" as a motive (desire), i.e. the reason for a motivation driving force is the change in the state of something. If you take, of course, a condition that a change is always a development. In this case you can consider the motive (the desire) as a condition, and motivation as a need for development. And if it is considered from the point of view of individual, human society, state, most theories explore the potentialities to influence behavior, actions, activities of individuals, society, state they just confirm that motive (desire) is a condition for development and motivation is a need for changes. It can be seen as a natural phenomenon of the existence of the universe and of man as a part of it.

This article synthesizes theoretical sources of motivation phenomenon by addressing mainly Immanuel Kant's works. Not only because he successfully puts together rationalism and empiricism if the New time and Kant's works were a prerequisite of nearly all the philosophy of the XIX-th and the XX-th centuries. The most essential thing for us lies in the fact that, in Kant's opinion, human reason is a source of universal laws of nature all man's experience and emotions are submitted to. Thus, we find the assumption proceeding from which we continue to study motivation not from a conventional point of view – as a subject of interest, desire or need – but we insist on its universal character seeing in it a major factor of development in reference to man, society, universe upon the whole.

Существует множество классификаций мотивации [1], но в основном они касаются мотивации личности. Я же предлагаю рассмотреть этот феномен¹ с позиций диалектики. Тем самым, я надеюсь, данная работа послужит импульсом к современному переосмыслению этой теории, ее актуализации и, возможно, новому прочтению — что продиктовано использованием мотивации в качестве инструмента воздействия как на отдельную личность, так и на общество в целом. Мотивация к развитию формируется как условиями существования, так и целями, определяемыми индивидом, коллективом, государством. Возникновение и эволюционирование потребностей зависит от многих факторов: времени, пространства, интеллекта...² Мотивация создаётся или сводится на нет естественно или искусственно. Ее характеризует целенаправленность. Развитие же - это

всегда движение, желательное или нежелательное, протекающее благодаря или вопреки. Оно может быть условием достижения цели, а может быть инструментом манипуляции, может быть и целью, и причиной. Мотивация к развитию как непрерывный процесс преобразования материи обуславливает возникновение и существование материи, всех видов и форм жизни.

Доктрины, касающиеся прогресса³, впервые увидели свет в Европе XVIII века, они воплотили в себе оптимизм той поры. В XIX столетии вера в прогресс лишь усилилась. Только в XX веке существовавшие всегда скептики прогресса, пожалуй, оказались в большинстве, объясняя своё неприятие данного понятия двумя мировыми войнами, Холокостом и изобретением ядерного оружия.

Проблему прогресса можно рассматривать с нескольких сторон. Каждый из подходов стремится найти ответ на соответствующий вопрос: (1) Располагает ли теория прогресса чётким определением благополучия человека, и если да, то что же это такое? (2) Что ведёт к долгосрочному улучшению и, самое главное, какими законами исторического развития оно объясняется? (3) Что принимать за свидетельства прогресса?

Благополучие обычно считают или самостоятельной ценностью, или совокупностью разнородных, не поддающихся сопоставлению, но объединённых эмпирической связью ценностей. В первом случае это свобода, счастье и реализация человеком своих возможностей. Во втором случае учёные ведут речь о более широкой шкале ценностей, настаивая на том, что компоненты, из которых складывается человеческое благополучие, стимулируют действие друг друга, или, по крайней мере, не препятствуют ему. Обычно состояние благополучия иллюстрируется на примере конкретной человеческой жизни. Философы эпохи Просвещения принимают за объект своих исследований человечество в целом, таким образом, их занимают вопросы универсальной, всеобщей истории, они стремятся добраться до сути происходящих событий и найти фундаментальные законы исторического развития, которые бы не только пролили свет на прошлое, но и были бы применимы в ходе прогнозирования будущего человечества.

Законы, объясняющие прогресс, традиционно являются предметом научных дискуссий. Многие мыслители, в том числе Георг Вильгельм Фридрих Гегель и Огюст Конт, видели в развитии идей во времени прежде всего изменение, приводящее к всеобщему улучшению. Маркс, напротив, на первое место выдвигал рост средств производства. Кант же полагал, что напряжение, свойственное человеческой природе, как раз-таки и является источником изменений. Помимо этих трёх основных концепций, существуют и более эклектичные теории, базирующиеся на причинной связи. Также внимания заслуживает и обособление многими мыслителями периодов т.н. девакации (от лат. *devastatio* — опустошение, истребление) и конфликта от этапов упадка. Думаю, все согласятся с тем, что улучшение — это явление нелинейное. Но некоторые авторы более прочих настаивают на том, что подобные эпохи могут быть частью долгосрочного улучшения, причём речь порой идёт о весьма различных отрезках времени. То же самое касается и случайности, возможности выбора: кто-то отрицает саму возможность их существования, прочие же часто говорят о некоей принуждающей силе, вершащей ход истории. Концепции противников фатализма часто представляют собой политические призывы, исполненные веры в возможность моделирования будущего.

Наконец, пара слов о методологии. Большинство авторов, о которых я упоминаю в данной работе, создавали свои труды до того, как количественный и статистический

методы получили широкое распространение в общественных науках. Тем не менее, многие из них в своих работах уделяют достаточно внимания используемым ими методам исследования. Так, всех авторов можно условно разделить на два лагеря: тех, кто убеждён, что знание предшествует опыту и не зависит от него, и тех, кто основывает свои рассуждения на эмпирических данных.

Иммануил Кант (1724-1804), родоначальник немецкой классической философии, в отличие от шотландских и французских мыслителей эпохи Просвещения, не был эмпириком. Его утверждения о прогрессе человечества имеют априорный характер. Данной теме посвящены его небольшие произведения 1780-1790-х годов, в т.ч. «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» и «К вечному миру». К примеру, в «Идее...» он приводит данные, указывающие на существование определённого прогресса в те годы, но предостерегает о невозможности на их основании с точностью делать какие-либо заключения [3, с. 19-22]. Кант начинает свою аргументацию с утверждения о том, что все животные обладают природными способностями, которые могут быть развиты. Но, в отличие от прочих живых существ, человек не способен развить все свои способности в течение жизни. Если не считать эти способности бесполезными, то человечеству в целом остаётся лишь развивать все человеческие способности во времени [3, с. 9]. Кант предлагает «измерять» прогресс той или иной эпохи именно развитием человеческих способностей.⁴ По мнению И. Канта, исключительно чистый рассудок есть «способность правил в отношении того, что случается, но и источник основоположений, /согласно которому все (что только может являться нам как предмет) необходимо подчинено правилам, потому что без правил /явления никогда не могли бы привести к знанию о соответствующих им предметах. Даже **законы природы**, если они рассматриваются как принципы эмпирического применения рассудка, имеют вместе с тем отпечаток **необходимости**, стало быть, заставляют по крайней мере предполагать определение из оснований, значимых а priori и до всякого опыта. И все без различия законы природы подчинены высшим основоположениям рассудка, которые применяются ими лишь к частным случаям явления» [4, с. 189]. Но не стоит забывать, что необходимость бывает троякого рода: логическая, физическая (её ещё называют каузальной или онтологической) и нормативная (моральная). Первая из них связана с *логическим законом*: логически необходимо то, что вытекает из законов логики (отрицание чего несовместимо с законами логики). Физически необходимо то, отрицание чего нарушает законы природы. Нормативно необходимым (т.е. обязательным) является то, отрицание чего противоречит законам или нормам, установленным в обществе. Необходимость логическая уже физической необходимости: все логически необходимое является также необходимым физически, но не наоборот. Иначе говоря: законы логики есть и законы природы, но не наоборот [5, с. 118].

С одной стороны, И. Кант не лишает человеческих существ свободы воли⁵, но одновременно с тем он говорит — нет, не прямо о предопределении — но о всеобщем подчинении общим законам природы. Речь не идет о чуждых, враждебных человеку силах, принуждающих его и помыкающих им. Скорее, взаимоотношения человека и природы представляют собой сотрудничество, сотворчество, кооперацию. Природа выступает как бы старшим товарищем, наставником, не обязательно посвящающим человека во все свои планы, но природа неизменно является источником мотивации *всей* человеческой деятельности. И, конечно же, мотивирует она именно к развитию, ведь обратное

противоречило бы ее собственным законам: «...человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы, определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в совокупности, то могла бы открыть ее закономерный ход; и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков⁶... Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они бы мало интересовались.

Так как люди в своих стремлениях действуют, в общем не чисто инстинктивно, как животные, но и не как разумные граждане мира, по согласованному плану, то кажется, что не может быть у них планомерной истории (так же как, скажем, у пчел или бобров). Нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их образ действий на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частностях, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь, какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах. Для философа здесь остается один выход: поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы» [3, с. 6-7]. Получается, что отдельной личности вовсе не обязательно иметь некий особый, отвечающий ее индивидуальным особенностям, мотивационный план — человек может быть будто бы и вовсе не мотивирован. Но это так лишь на первый взгляд. Покуда мы можем утверждать, что человек — часть природы, такой присущий ей феномен, как *мотивация к развитию*, способен наполнить его экзистенцию смыслом и сделать ее осознанной и исполненной цели.

Природа, как единственный источник мотивации человека, избрала для побуждения его к деятельности, т.е. для осуществления своей глобальной цели — «развития всех ее задатков, заложенных в человечестве», беспроигрышное средство. Причем человек должен «все произвести из себя» благодаря развитию и свободе воли. Человек - животное общительное, но недружелюбное, конфликтное. И. Кант именно во всеобщем **законе противоречия**⁷ видит *причину* постоянного движения человека навстречу себе подобным, т.к. деятельность не может осуществляться в состоянии изоляции, и неперменного возникновения борьбы, сопротивления между ними: «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т. е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. Задатки этого явно заложены в человеческой природе. Человек имеет склонность общаться с себе подобными, ибо в таком

состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединиться (изолироваться), ибо он в то же время находит в себе необщительное свойство — желание все сообразовать только со своим разумением — и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим» [3, с. 11].

Но к конфликту приводят не только контакты между человеческими особями. Сам человек есть источник противоречия: «... сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его *преодолевать природную лень*⁸, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека. Здесь постепенно развиваются все таланты, формируется вкус...» [3, с. 11]. Но закономерно напрашивается вопрос о среде, требующейся для воплощения плана природы. И. Кант считает, что человеческие способности могут получить самое полное выражение лишь при наличии свободы и состояния мира, которые, в свою очередь, должны поддерживаться деятельностью ряда институций. Союз⁹ республик¹⁰, по мнению И. Канта, является наивысшей ступенью человеческого развития. Домашние и международные особенности подобной институциональной констелляции удачно дополняют друг друга. Республики не будут воевать между собой, потому что мирный договор в таком случае предусматривает согласие всего общества. К тому же неучастие в войнах, по мнению Канта, приводит к улучшению условий жизни в республиках, к их развитию. Намечается некоторое противоречие: война одновременно есть инструмент к развитию и препятствие на пути к нему, ведь в вечном мире И. Кант также видит цель природы, которую человеку диктует его собственный разум. Но, в большинстве случаев, человечество движет вперед не разум, а человеческая психология и естественные обстоятельства. Опять-таки вспомним о «необщительной общительности», присущей человеческим существам, которые, в свою очередь, не могут обойтись без состязаний за «статус», что приводит к возникновению ассоциаций. Именно они являются прообразом республики. Мотивация к развитию у ее граждан может быть принята — пусть и абстрактно — за наивысший уровень мотивации к развитию. Он характеризуется созданием новых возможностей познания себя, окружающего мира, обеспечением условий для движения общественной мысли и производства инновационных продуктов, формированием актуальных систем научного осмысления и познания Вселенной.

Итак, И. Кант не говорит о мотивации прямо¹¹. Но «естественные побудительные причины» соответствуют понятию мотива, например, это необщительность и всеобщее сопротивление, побуждающие человека к новому напряжению сил и к большому развитию природных задатков. В самом начале я упоминал, что понятие прогресса, развития можно рассматривать с нескольких сторон. Для меня самым интересным и приоритетным аспектом было, как же всё-таки распознать и оценить, измерить уровень развития, и, соответственно, мотивации к нему [10, с. 90-91]. Повторюсь, что И. Кант предлагал в качестве индикатора достигнутого развития рассматривать уровень реализации возможностей, заложенных природой в человеке и окружающем его мире. Таким образом, природный феномен мотивации к развитию — естественное качество всего мира — может быть *инструментом* измерения эффективности деятельности, уровня жизнеспособности вообще.

Список использованной литературы:

1. Ващенко А.Н. Экономические интересы и закономерности формирования мотивации труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). С. 72-82.
2. Гончарова С.Ю. Натуралистическая фундаментальная онтология Джона Сёрла // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). -С. 38-42.
3. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: В 6-и т. Т.6: - М.: Мысль, 1966. - С. 5-23.
4. Кант И. Критика чистого разума. - М.: Наука, 1999. - 654 с.
5. Краткий словарь по логике. - М.: Просвещение, 1991. - 208 с.
6. Большая Советская Энциклопедия. - М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. 3 электрон. опт. диска (CD-ROM).
7. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: В 6-и т. Т.6: - М.: Мысль, 1966. - С. 257-347.
8. Шопенгауэр А. О четверояком корне...// Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1: - М.: Наука, 1993. - С. 5-189.
9. Ващенко А.Н. Понятие мотивации в XXI веке. Прогнозы и оценки // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 106-110.
10. Балашова Н. Н., Ващенко А.Н. Экономический закон распределения жизненных благ по труду и механизмы его действия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 2 (19). - С. 82-92.

Reference Literature:

1. Vashchenko A. N. Economic Interests and Appropriateness of Establishing Labor Incentives // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). – pp. 72 - 82.
2. Goncharova S. Y. Naturalist Fundamental Ontology of John Searle // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 2 (27). - pp. 38 - 42.
3. Kant I. Ideas toward Universal History with Cosmopolitan Intent // Kant I. Collection in 6 vol. Vol. 6. M.: Thought, 1966. - pp. 5 - 23.
4. Kant I. Critique of Pure Reason. M.: Science, 1999. - 654 p.
5. Short Dictionary of Logic. M.: Enlightenment, 1991. - 208 p.
6. Big Russian Encyclopedia. M.: Scientific publishing-house «Big Soviet Encyclopedia», 2002 on 3 CD-ROMs.
7. Kant I. Towards Perpetual Peace // Kant I. Collection in 6 volumes. V.6. M.: Thought, 1966. - pp. 257 - 347.
8. Schopenhauer A. On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason // Schopenhauer A. The World as Will and Representation. Vol. 1. M.: Science, 1993. – pp. 5 – 189.
9. Vashchenko A. N. Conception of Motivation in the XXI-st Century. Forecasts and assessments // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2014. № 1 (26). – pp. 106 - 110.
10. Balashova N. N., Vashchenko A. N. Economic Law of Distribution of Life Wealth according to Labor and Mechanisms of its Operation // Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute. 2012. № 2 (19). – pp. 82 - 92.

Сноски постраничные:

¹ В данной работе я придерживаюсь кантовской трактовки понятия «феномен». Это всё, что может быть предметом возможного опыта.

² Это определяет мой подход к изучению мотивации к развитию как природного феномена. Я начинаю его с этих констант — времени и пространства. О последней, мотивация — величина переменная, она может усиливаться или снижаться, даже исчезать. Мотивация к развитию имеет несколько уровней. Для ср.: Для философа Джона Сёрла сознание — это «биологический феномен», «субъективная природа которого согласуется с объективной природой физического мира» [2, с. 39].

³ Развитие — крайне многозначное понятие. Прежде всего это изменение. Но, ограничив сферу нашего интереса процессом мотивации, в данной работе под «изменением» я преимущественно имею в виду движение от простого к сложному, от низшего к высшему, т.е. совершенствование, усложнение, прогресс.

⁴ В «Критике чистого разума» (1781, 1787) И. Кант также не оставляет без внимания человеческие способности. В частности, такую «силу души», как способность суждения, он называет «особым даром», «который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (Mutterwitz), и отсутствие его нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их [отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства. Тупой или ограниченный ум, которому недостает лишь надлежащей силы рассудка и собственных понятий, может обучением достигнуть даже учености. Но так как в таких случаях подобным людям обычно недостает способности суждения (secunda Petri), то нередко можно встретить весьма ученых мужей, которые, применяя свою науку, на каждом шагу обнаруживают этот непоправимый недостаток]. Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам способен быть хорошим учителем в своей области, и, тем не менее, в применении их легко может впасть в ошибки или потому, что ему недостает естественной способности суждения (но не рассудка), так что он хотя и способен in abstract усматривать общее, но не может различить, подходит ли под него данный случай in concreto, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью. Единственная, и притом огромная, польза примеров именно в том и состоит, что они усиливают способность суждения. Что же касается правильности и точности усмотрения рассудка, то они скорее наносят ей обычно некоторый ущерб, так как они лишь редко выполняют условия правила адекватно (как casus in terminis); к тому же они нередко ослабляют то напряжение рассудка, которое необходимо, чтобы усмотреть правила в их общей форме и полноте независимо от частных обстоятельств опыта, и в конце концов приучают пользоваться правилами скорее в качестве формул, чем в качестве основоположений. Таким образом, примеры суть подпорки для способности суждения, без которых не может обойтись тот, кому недостает этого природного таланта» [4, с. 174-175].

⁵ Как мы видим, учение И. Канта совершенно не противоречит общим законам диалектики, законам развития природы, общества и человеческой мысли. В подтверждение привожу следующую цитату из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784): «Природа хотела, чтобы человек все то, что находится за пределами механического устройства его животного существования, всецело произвел из себя и заслужил только то счастье или совершенство, которое он сам создает свободно от инстинкта, своим собственным разумом. Природа не делает ничего лишнего и не расточительна в применении средств для своих целей. Так как она дала человеку разум и основывающуюся на нем свободную волю, то уже это было ясным свидетельством ее намерения наделить его [способностями]. Она не хотела, чтобы он руководствовался инстинктом или был обеспечен прирожденными знаниями и обучен им, она хотела, чтобы он все произвел из себя. Изыскание средств питания, одежды и крова, обеспечение внешней безопасности и защиты (для чего она дала ему не рога быка, не когти льва и не зубы собаки, а только руки), все развлечения, могущие сделать жизнь приятной, даже его проницательность и ум, даже доброта его воли, — все это должно быть исключительно делом его рук. Природа, кажется, здесь сама находит удовольствие в величайшей бережливости, и она так скупно наделила людей животными качествами, так строго нацелила уже первоначальное существование их на высшую потребность, как если бы она хотела, чтобы человек, когда он от величайшей грубости возвысится до величайшей искусности, до внутреннего совершенства образа мыслей (поскольку это возможно на земле) и благодаря этому достигнет счастья, — чтобы только он воспользовался плодами своих трудов и был обязан ими только самому себе» [3, с. 10].

⁶ Поясню, что И. Кант имеет в виду под первичными, или же природными, задатками: «Природные задатки человека (как единственного разумного существа на земле), направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивидуе, а в роде. Разум, которым наделено существо, — это способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил; замыслам его нет границ. Но сам разум не действует инстинктивно, а нуждается в испытании, упражнении и обучении, дабы постепенно продвигаться от одной ступени проницательности к другой. Вот почему каждому человеку нужно непомерно долго жить, чтобы научиться наиболее полно использовать свои природные задатки; или если природа установила лишь краткий срок для его существования (как это и есть на самом деле), то ей нужен, быть может, необозримый ряд поколений, которые последовательно передавали бы друг другу свое просвещение, дабы наконец довести задатки в нашем роде до той степени развития, которая полностью соответствует ее цели. И этот момент должен быть, по крайней мере в мыслях человека, целью его стремлений, иначе природные задатки следовало бы рассматривать большей частью как бесполезные и бесцельные; а это свело бы на нет все практические принципы и позволило бы заподозрить природу, мудрость которой должна служить правилом при рассмотрении всех прочих установлений в том, что только с человеком она сыграла глупую шутку» [3, с. 9]. Вообще цитируемое сочинение, замечу, звучит крайне жизнеутверждающе, даже когда Кант пишет о данных человеку природой инструментах к развитию, но, увы, без подробных инструкций. Видимо, даже несмотря на затяжные войны, раздиравшие Европу XVIII столетия, — это время, наравне со следующим веком, было топовой эпохой развития европейской цивилизации. Даже когда И. Кант рассуждает о возлагаемом на человека непрестом «задании», его слова не звучат

пессимистично, ведь как лейтмотив данного сочинения повторяется идея единения, общинности. Так мотивация из сферы личного переходит в сферу общественную: «Кажется, однако, что природа беспокоилась вовсе не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы он сам достиг такого положения, когда благодаря своему поведению он станет достойным жизни и благополучия. При этом всегда удивляет то, что старшие поколения трудятся в поте лица как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того, чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, предначертанное природой, и чтобы только позднейшие поколения имели счастье жить в этом здании, для построения которого работал длинный ряд предшественников (хотя, конечно, не преднамеренно), лишенных возможности пользоваться подготовленным ими счастьем. Но каким бы загадочным ни казался такой порядок, он необходим, если раз и навсегда признать, что одаренные разумом животные, которые, как класс разумных существ, все смертны, но род которых бессмертен, должны достигнуть полного развития своих задатков» [3, с. 11].

⁷ Гегель также видел в противоречии «... корень всякого движения и жизненности» [Соч., т. 5, М. — Л., 1937, с. 520], Гегель показал, что процесс раздвоения единого на противоположности есть фундаментальная характеристика сущности развития. Вместе с плодотворными диалектическими моментами для гегелевского учения о противоречии характерно отождествление противоречия объективной действительности с логическим содержанием категории противоречия, а также истолкование в некоторых случаях разрешения противоречия как нейтрализации, примирения противоположностей, что было обусловлено исходными идеалистическими и метафизическими посылками его системы [6].

⁸ Курсив автора

⁹ Под федерацией, союзом государств И. Кант понимает группу стран, в своих двусторонних отношениях руководствующуюся законами, направленными на мирную политику: « ...должен существовать особого рода союз, который можно назвать союзом мира (*foedus pacificum*) и который отличался бы от мирного договора (*pactum pacis*) тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый — всем войнам, и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, а исключительно лишь поддержание и обеспечение свободы государства для него самого и в то же время для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости (подобно людям в естественном состоянии) подчиниться публичным законам и их принуждению. — Можно показать осуществимость (объективную реальность) этой идеи федерации, которая должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру. Если бы по воле судеб какой-либо могучий и просвещенный народ имел возможность образовать республику (которая по своей природе должна тяготеть к вечному миру), то такая республика служила бы центром федеративного объединения других государств, которые примкнули бы к ней, чтобы в соответствии с идеей международного права обеспечить таким образом свою свободу, и с помощью многих таких присоединений все шире и шире раздвигались бы границы союза» [7, с. 274].

¹⁰ По Канту это правовое государство, члены которого являются свободными и равными между собой гражданами. Не могу не привести прекрасные слова И. Канта, буквально заряжающие энергией и пробуждающие веру в достижимость всеобщего правового гражданского общества, вернее даже, в его необходимость: « ...общество, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым

принуждением, т. е. совершенно справедливое гражданское устройство, должно быть высшей задачей природы для человеческого рода, ибо только посредством разрешения и исполнения этой задачи природа может достигнуть остальных своих целей в отношении нашего рода. Вступать в это состояние принуждения заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, и именно величайшая из бед — та, которую причиняют друг другу сами люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом. Однако в таком ограниченном пространстве, как гражданский союз, эти же человеческие склонности производят впоследствии самое лучшее действие подобно деревьям в лесу, которые именно потому, что каждое из них старается отнять у другого воздух и солнце, заставляют друг друга искать этих благ все выше и благодаря этому растут красивыми и прямыми; между тем как деревья, растущие на свободе, обособленно друг от друга, выпускают свои ветви как попало и растут уродливыми, корявыми и кривыми. Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство — все это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вынужденного искусства полностью развить природные задатки [3, с. 13].

¹¹ В отличие от Артура Шопенгауэра, немецкого мыслителя века уже XIX. В своей работе «О четверояком корне закона достаточного основания» [8] он, во-первых, указывает на изменение мотивации с появлением у человека абстрактного мышления (подробнее об этом «переходе» см. мою статью «Понятие мотивации в XXI веке. Прогнозы и оценки» [9, с. 106-107]). Мотивация у человека с мифологическим мышлением заключается в импульсе, возникающем от созерцания предметов. Мотивация при абстрактном мышлении же состоит из мыслей, приводящих к сознательному выбору (конфликт мотивов). В результате совершается действие с определённым намерением, возникает план, человек согласуется с действиями окружающих и т.д. А. Шопенгауэр предлагает нам простую и понятную трактовку мотива. Это причина, основание действия. К тому же он формулирует закон мотивации. Вот как он описывает механизм действия, совершаемого человеком: «При каждом воспринятом нами решении, как других людей, так и собственном, мы считаем себя вправе спросить: почему?— т. е. мы предполагаем, что этому решению необходимо предшествовало нечто, из чего оно последовало и что мы называем основанием, точнее, мотивом последовавшего теперь действия. Без мотива действие для нас так же немисливо, как движение неодушевленного тела без толчка или тяги. Тем самым мотив относится к причинам; он уже причислен к ним и охарактеризован как третья форма каузальности... Мы видим, что данная причина с необходимостью влечет за собой действие, однако, как она достигает этого, что при этом происходит внутри, мы не узнаем. Мы видим, что механические, физические, химические действия, а также действия, вызванные раздражением, каждый раз следуют за соответствующими причинами, но никогда полностью не понимаем сущности процесса; главное остается для нас тайной; мы приписываем его свойствам тел, силам природы, а также жизненной силе, но все это лишь *qualitates occultae* (скрытые качества). Не лучше обстояло бы дело и с нашим пониманием движений и действий животных и людей, они также воспринимались бы нами как вызванные необъяснимым образом их причинами (мотивами), если бы здесь нам не был открыт доступ во внутренний аспект процесса: мы знаем на основании своего внутреннего опыта, что это — акт воли, который вызывается мотивом, заключающимся

только в представлении. Следовательно, воздействие мотива познается нами не только извне и поэтому только опосредствованно, как все другие причины, а одновременно и изнутри, совершенно непосредственно и поэтому во всей его силе. Здесь мы как бы стоим за кулисами и проникаем в тайну, как причина своим сокровеннейшим существом вызывает действие, ибо здесь мы познаем совсем иным путем и поэтому совсем иным образом. Из этого следует важное положение: мотивация — это каузальность, видимая изнутри. Каузальность выступает здесь совсем иным образом, в совершенно иной среде, для совершенно иного рода познания: поэтому в ней следует видеть ... закон достаточного основания действия, *principium rationis sufficientis agendi*, короче, закон мотивации» [9, с. 150]. В отличие от Платона и Канта, в которых Шопенгауэр черпал вдохновение, он считал, что мир не так уж и доступен голосу разума, им правит желание и наполняет бесконечная борьба (последнее согласуется с воззрениями Канта). Но, по Шопенгауэру, мотив возникает лишь в «представлении» субъекта. Мы же выше пришли к выводу, что человеку мотивация присуща уже по факту его рождения. Это мотивация к развитию, данная природой. Она является природным свойством, изначально присущим человеку.